

Т.И. Стексова, Н.М. Гришина

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Сибирская академия государственной службы*

Русские тавтологические конструкции и практика их перевода

Аннотация: В статье рассматриваются две русские тавтологические конструкции, их семантика и прагматика, а также практика их адекватного перевода на английский язык.

The paper deals with two Russian tautological constructions, their meaning and functioning, as well as the peculiarities of their translation into English.

Ключевые слова: тавтологические конструкции, семантика, прагматика, адекватный перевод.

Tautological constructions, meaning (semantics), functioning (pragmatics), the issues of appropriate translation.

УДК: 81 + 81'38.

Контактная информация: Новосибирск, Виллюйская 28. НГПУ, кафедра современного русского языка. Тел. (383) 2440126. E-mail: steksova@inbox.ru. Новосибирск, ул. Нижегородская 6. САГС, кафедра иностранных языков. Тел. (383) 2103882. E-mail: grishina@sapa.nsk.su.

Русские тавтологические высказывания относятся к высказываниям, буквальное осмысление которых аномально, но которые могут получить семантически стандартную интерпретацию. Возможность переосмысления семантических аномалий, сведения их к семантическому стандарту обусловлена существованием особых правил переосмысления, которые говорящий может эксплуатировать. Тем самым семантически аномальное высказывание перестает быть аномальным, точнее оно аномально относительно базовых правил, но вполне закономерно относительно правил переосмысления.

Основой критерия правильности смысловой структуры таких высказываний является их функциональная оправданность. Актуальным становится скрытый смысл, который адресат речи должен декодировать. Прагматическое значение тавтологических высказываний становится очевидным в составе текста в результате «смыслового взаимодействия» его с окружающим контекстом. Для понимания тавтологий необходимо совпадение когнитивных пространств говорящего и адресата. Отсюда следует, что адресат, воспринимая тавтологическое высказывание, понимает, что говорящий вкладывает в него нечто большее, чем то, что вытекает из значения используемых лексем. Каждая тавтологическая конструкция может выражать несколько прагматических смыслов, однозначное же понимание ее достигается только в контексте или в определенной речевой ситуации.

Именно этим объясняются трудности, возникающие при переводе русских тавтологических конструкций на иностранные языки, в частности на английский. Перевод – это такой акт межъязыковой коммуникации, в процессе которого происходит передача смысла того, что сказано (написано) на одном языке средствами другого языка. Учитывая то, что языковые средства имеют два плана (план выражения и план содержания), суть процесса перевода можно описать как изменение

элементов плана выражения, в то время как план содержания должен оставаться неизменным.

Каждый язык характеризуется особой структурой своих лексико-грамматических полей и имеет свои собственные лексические, морфологические и синтаксические системы, что может привести к несовпадению между средствами выражения одного и того же содержания на исходном языке и языке перевода. Существенным для перевода является лишь их семантическое тождество, т. е. единство выражаемого ими содержания [Бархударов, 1975]. Адекватный перевод может быть достигнут только тогда, когда мы переводим не форму как таковую, а ее значение и функцию в предложении. Именно поэтому перевод любой конструкции следует начинать с ее семантического и функционального анализа.

Рассмотрим тавтологические высказывания, построенные по модели **ну X и X**. Позицию X в высказываниях, построенных по анализируемой модели, могут занимать лексемы различной частеречной принадлежности: существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, слова категории состояния, глаголы [Стексова, 2006].

Межсоставной элемент в данной конструкции выражен двумя элементами. По данным словарей, частица *ну* в сочетании с частицей *и* обычно выражает безразличие, неодобрение, отрицательное отношение и служит для выделения и усиления выражаемой оценки или эмоции.

Особенностью функционирования исследуемой тавтологической конструкции, в отличие от тавтологических высказываний, построенных, например, по модели **X есть X**, является ее реактивный характер. Тавтологическое высказывание, построенное по модели **ну X и X**, всегда является реакцией на предтекст, предыдущее высказывание, следовательно, можно говорить о том, что подобные высказывания при всем различии вкладываемых смыслов объединены тем, что они выражают **отношение говорящего к предшествующему** высказыванию или факту реальной действительности и выполняют текстообразующую функцию. Конкретная смысловая нагрузка прочитывается исходя из контекстуального окружения.

В русском языке можно выделить несколько смысловых разновидностей данной конструкции:

1. **Безразличие, равнодушие, ничего интересного, информация неактуальная:** *Успенский бесится, кричит мне в телефон, что на спецпроекты у него денег нет. Ну, нет и нет* (Н. Григорьева. В. Курицын. Вячеслав Николаевич. Звезда. № 6, 2001).

Ср. перевод данной конструкции на английский язык¹:

He's yelling me on the phone that there's no money for the special projects. Well, if there isn't any, there isn't any.

Междометие *well*, используемое в данных конструкциях вместо частицы *ну*, служит для усиления того, что говорится, либо выражает скрытое несогласие. Как известно, синтаксис английского языка имеет ряд типологических особенностей: фиксированный порядок слов, крайне редкий эллипсис подлежащего, сказуемого и прямого объекта (при переходном глаголе), употребление только одного отрицания в предложении. Как видно из примера, отсутствие подлежащего в конструкции '*Ну, нет и нет*' компенсируется в английском языке специальной конст-

¹ Для перевода языкового материала мы привлекли двух носителей английского языка со степенью бакалавра – К. Брондума (США) и М. Нельсона (Великобритания) и для сравнения профессионального русского переводчика В. Никитина. По мнению специалистов, письменный текст достаточной сложности должен переводить носитель языка, так как искушенный читатель, как правило, легко распознает несоответствия грамматическим, синтаксическим и идиоматическим нормам своего языка, если перевод выполнен иностранцем. Нами же существенных расхождений в переводах обнаружено не было.

рукцией *there is*. Кроме того, английский язык использовал конструкцию сложно-подчиненного предложения с условным придаточным. Как отмечается исследователями [Бреус, 1998], русский язык при выражении экспрессии чаще опирается на семантические элементы, в то время как в английском языке используются преимущественно формальные элементы. Особенностью союзов является перенос внимания с отдельных предложений на сквозное движение мысли, на логические сдвиги [Сильман, 1997; Солганик, 2006].

Семантика равнодушия в английском языке может усиливаться эллиптическим предположно-местоименным риторическим вопросом *So what of it?* Сравним:

В институте к моему появлению отнеслись совершенно спокойно – ну вернулсЯ и вернулсЯ, не утонул, и слава богу.

The staff treated my appearance with dead calm – So what of it? Thank God he's not drowned!

Интересно отметить, что этот риторический вопрос может быть разорван, если используется условное придаточное, например:

If I said it, I said it. So what?

Следует помнить, что отношение равнодушия может быть как реальным, так и демонстрируемым с целью либо успокоить собеседника, либо скрыть истинные чувства, например, заинтересованность или неприязнь. – *Она старалась разогнать набегающие тревожные предчувствия будущего упрямой и злой бравадой. «Ну сошлась и сошлась!» – сжимая брови и с каким-то болезненным наслаждением произнося это грубое слово, думала она. – Все это пустяки!.. Захотела и отдалась!.. А все-таки была счастлива, было так... – Лида вздрогнула и, вытянув вперед сжатые руки, потянулась. – И было бы глупо, если бы не отдалась!.. Не надо думать об этом... все равно не вернешь!»* (М.П. Арцыбашев. Санин).

Если в первом примере отношение к событию реальное, то во втором случае оно явно демонстрируемое, что подчеркивается в контексте (*упрямая и злая бравада*). Но во всех случаях привлекает внимание тот факт, что дальнейший контекст как бы нейтрализует или «возмещает» равнодушное отношение к событию: *сошлась, это пустяки – а все-таки была счастлива*. Это значение реализуется и в конструкции, где позицию X занимает имя существительное: **Ну**, дурка **и** дурка, зато любимая (Наталья Оленцова. Дар божий // «Октябрь». № 12, 2001).

Если же в позиции X находятся прилагательные, числительные, наречия или слова категории состояния, то значение равнодушного восприятия события остается, но в дальнейшем контексте нет значения возмещения. Ср.: – *Говори потише, там же все слышно. – Ну слышно и слышно, пусть слышат* (РР). «Глуп, – говоришь, – ты». **Ну**, глуп **и** глуп, – не впервой мне это от него слышать, а я все-таки вижу, что он всем этим недоволен... (Н.С. Лесков. Божedomы).

Сравним перевод данной конструкции на английский язык:

Ну, дура и дура, зато он меня любит.

Well, if I'm a fool, I'm a fool, but he loves me anyway.

Ну, лентяй и лентяй, зато ничего не портит!

Well, if he's lazy, he's lazy, but it doesn't do any harm.

В английском языке, как показывают приведенные примеры, независимо от частеречного наполнения позиции X (*a fool* – имя существительное, *lazy* – имя прилагательное) используется сложноподчиненное предложение с союзом *if*.

2. **Резко отрицательное отношение, раздражение, вызванное повторяемостью, длительностью действия:** *Ну говорит и говорит, не остановишь* (РР). *Ну пристал и пристал* (РР). Это значение возникает в том случае, если в позиции X глагол. Другие части речи не реализуют этого значения. Эти тавтологические высказывания представляют собой реакцию не на предшествующее высказывание, предтекст, а на предшествующий факт реальной действительности. Этим определяется то обстоятельство, что тавтологическая конструкция, реализующая

данное значение, может быть понято в определенной речевой ситуации и вне контекста. Сравним перевод данных конструкций на английский язык:

Ну, говорит и говорит, не остановить никак.

He just talks and talks, and there's no way to stop it.

Ну, смотрит и смотрит, надоел уже!

He just watches and watches. I'm sick of it! Или He just keeps looking and looking. Enough, already!

Ну, ходит и ходит, голова кружится от него уже.

He just walks this way and that way until it makes your spin. Или He keeps walking around and around. It makes your head spin!

Ну, молчит и молчит, слова никогда не скажет!

He just keeps quiet all the time and never says a word' Или He just keeps his mouth shut and won't say a word.

Как видно из приведенных примеров, при переводе на английский язык повторяемость, длительность действия может выражаться повтором простого или составного глагольного сказуемого, либо именным сказуемым, где длительность действия передается семантикой глагола *keep* 'сохранять, продолжать', суффиксом *'ing'* смыслового глагола, выражающего продолжительность действия или лексически *'this way and that way'*, *'around and around'*. Интенсивность действия подчеркивается частицей *'just'*. Отрицательное же отношение всей конструкции придает семантика второй части высказывания.

3. Оценочное отношение, признание того, что «так оно и есть». Это значение сближает данную конструкцию с тавтологической конструкцией, построенной по модели **Х есть Х**. Не случайно, что оно возникает только в тех случаях, когда позицию **Х** занимают существительные. Здесь также значение тождества второстепенно, на первое место выходит значение характеристики, дается комплекс признаков и их оценка. Данное значение возникает при метафорическом использовании существительных, причем ассоциативное восприятие подтверждается контекстом, который мотивирует, оправдывает употребление метафоры. *Накануне волосы на бигуди накрутила, расчесала – ну кукла и кукла. Даже губы накрасила, а он нейдет. Может у него работа срочная? Все бывает.* (И. Грекова. Перелом).

В английском языке русская тавтологическая конструкция заменяется описательным сравнительным оборотом. Как справедливо отмечает Е.В. Бреус [1998], экспрессивность русской конструкции снижается за счет приема компенсации. На место образной метафоры приходит логическое сравнение. Ср.:

Шляпу красную надел, штаны в полоску, ну, клоун и клоун!

He's got a red hat, striped pants ... he looks like a clown!

A red hat, striped pants ... you look like a clown!

4. Выражение согласия с элементом оценки. В ряде случаев данная тавтологическая конструкция служит для выражения согласия, при этом наблюдается некоторая трансформация конструкции: либо второй компонент **Х** меняет свою форму, либо его позицию занимает оценочное слово, либо однокоренное слов: **Ну нет и не надо** (В. Шукшин. Мечты). **Ну дошли и хорошо** (А. Рубашкин. «Прощально ожил перед глазами...»).

Английский перевод данной конструкции требует убрать неопределенность русской конструкции («нет и не надо» может относиться как к предметам, так и к действиям), при развертывании конструкции неизбежно происходит персонификация субъекта, более того, если глагол переходный, то и вербализация объекта. Ср.:

Ну нет и не надо, и так хорошо.

We don't have any and don't need any. It's for the better.

I don't have any and don't need any, and that's fine by me

Ну, дошли и хорошо, будем отдыхать.

Well! It is a good thing we've arrived and can rest.

Адекватность перевода во втором примере достигается, кроме того, за счет использования специальной конструкции Complex Subject для актуализации ремы русского высказывания.

Согласие может быть вызвано равнодушным отношением говорящего. Это значение актуализируется в том случае, когда в позиции X находится глагол в разных формах наклонения: – *Пил, пью и буду пить!* – *Ну пьешь и пей, тебе же хуже будет* (PP). В подобных случаях можно говорить скорее о псевдосогласии, за которым скрываются или угроза.

Ну, лежишь и лежи, скоро ты и двигаться-то не сможешь!

If you're going to lie around, then lie around. Before long you won't even be able to move.

Проблемы с переводом возникают и в связи с другой тавтологической конструкцией, построенной по модели **Им. п. + Тв. п.** Английский язык не может дать буквального перевода, так как не обладает падежной системой. Поэтому при переводе смысловая составляющая сохраняется, а сочетание Им. п.+Твор. п. заменяется лексическим повтором имени. Эти русские тавтологические сочетания представляют собой различные модели, которые отличаются значением, позицией в предложении, ограничениями на лексическое наполнение компонентов, а также выполняемыми функциями в речи. На основании анализа языкового материала можно выделить пять случаев, причем четыре из них – функционирования данного сочетания в пределах одной предикативной единицы, а шестой случай требует облигативности полипредикативной конструкции [Стексова, 2007].

1. *Клин клином вышибать* (выбивать) – **уничтожить результаты какого-либо действия или состояния теми же средствами, которые это действие или состояние вызвали.** (Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова). Данный фразеологизм тавтологического типа не содержит тавтологической аномалии. Значение объекта и орудия задаются валентностью глагола (что делается при помощи чего?). Тавтологический повтор семантически оправдан значением данного фразеологизма. Так как фразеологизм широко употребителен в русском языке, то в речевой практике он зачастую употребляется с вербально незамещенным предикатом. По этому же образцу строятся и тавтологические обороты с другими лексемами, которые имеют то же значение, причем актуализируется семантика объекта и орудия. Следует отметить, что лексическое наполнение позиции Им. п. + Тв. п. имеет определенные ограничения, обусловленные лингвистическими и экстралингвистическими факторами. В позиции тавтологических имен могут оказаться любые существительные, способные выполнять семантическую функцию объекта и орудия. Экстралингвистическая причина ограничений опирается на здравый смысл и жизненный опыт говорящего. Перевод конструкции в данном значении не вызывает особых затруднений, если переводчик знает соответствующие английские фразеологизмы, ср.: *One fire drives out another fire. Like cures like.*

2. Вторая модель имеет **значение сравнения** и также функционирует в пределах одной предикативной единицы. Но в отличие от первой модели здесь это сочетание уже синтаксически не свободно, является именной частью сказуемого. Рассмотрим примеры: – *Ты, Ваня, человек очень умный, – пытаюсь нашарить в темноте засов, говорил председатель заплетающимся языком. – С виду дурак дураком, а приглядеться – ум государственный.* (Вл. Войнович. Жизнь и необычные приключения солдата Ивана Чонкина). С виду дурак дураком = похож на дурака. Ср. английский вариант: *He is as stupid as they make them, but to dig far down, he might be good at statesmanship.* С виду дурак дураком, а начнет говорить приятно слушать. – *Call him a fool, but he's starting to talk, it'll be good to listen.* Посмотришь, бомж бомжом, а он оказывается инженер хороший. – *You know, this might be coming from a bum, but he's turning down a good engineer.*

Во всех вариантах английского перевода данной конструкции происходит снижение категоричности первой части высказывания за счет введения модальных смыслов допущения и усиления категоричности второй части посредством замены русского сопоставительного союза «а» английским противительным «but», который противопоставляет нечто ожидаемое реальной действительности [Dictionary of Contemporary English].

В качестве лексического наполнения здесь возможны любые лексемы, которые ассоциативно можно связать с объектом сравнения. Интересно отметить, что во всем собранном языковом материале в качестве объекта сравнения выступают только живые существа, чаще всего люди.

3. Также функционирует в пределах одной предикативной единицы, приобретает дополнительную нагрузку: передает **интенсивность признака, качества, свойства**.

Дурак дураком, а дело говорит. (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске).
Ср.: *Stupid as they come, but he is talking sense.* В отличие от предыдущего типа здесь при помощи тавтологической конструкции субъект не сравнивается с кем / чем-либо, а ему приписывается какой-либо постоянный признак в высшей мере его проявления. Наполнение компонентов ограничивается существительными, в лексическом значении которых есть признаковые семы. *Дурак дураком* = полный дурак, *подлец подлецом* = настоящий подлец, окончательный подлец. Лексемы в данной конструкции обычно имеют негативную оценочную коннотацию. Сомнительной представляется фраза: **Он был талант талантом!*

Ср.: *Пьяница пьяницей, а руки золотые! – He's a real drunk, but he's got a magic touch! Болтун болтуном, а работу всегда в срок делает. – He may be a blabbermouth, but he always does his work on time.*

Интенсивность признака, выраженная в русском языке конструкцией Им. п. + Твор. п., может выражаться через дополнительную лексику, как в первом примере. Во втором случае использование сильной метафоры требует употребления модального глагола с семантикой допущения, что ведет к снижению интенсивности признака.

4. Значение **согласия**, выражаемого тавтологической конструкцией. Причем для говорящего **согласие не является самым актуальным** в высказывании, а используется им для достижения основной цели.

– *Помилуйте, я вас совсем о другом прошу, а вы мне пеньку суете! Пенька пенькой, в другой раз приеду, заберу и пеньку!* (Н.В. Гоголь. Мертвые души). Говорящий не заинтересован в приобретении пеньки, но он выражает «отсроченное» согласие, обещание (*пеньку, само собой, разумеется, возьму, но в другой раз*), для того чтобы вернуться к интересующему его предмету разговора. Говорящий при помощи этой конструкции «выстраивает» коммуникацию, возвращает беседу в нужное русло, совершая при этом «коммуникативное поглаживание» адресата. В подобных случаях можно говорить об «отсроченном согласии».

Ср.: *Футбол футболом, но надо думать и об учебе.*

Football's all very fine, but you have to think about your studies, too. There's nothing wrong with football, but you have to think of your education as well. Football is football, but you have to pay some thought to your education.

Слова словами, но грамматику надо учить.

Words are something, but you have to learn grammar, too.

«Коммуникативное поглаживание» адресата достигается в английском за счет выбора положительной оценочной лексики в именной части сказуемого, либо повтором имени.

5. В следующем случае конструкция Им. п. + Тв. п. функционирует только в составе полипропозитивного и полипредикативного предложения, части которого соединены сочинительным союзом с противительным значением. Тавтологическая конструкция основана на синтаксической неполноте. Ср. *Дружба дружбой,*

а табачок врозь. – Дружба остается дружбой (ее никто не отменяет, не разрушает, т. е. постулируется ее «статус кво»). Ср.: *Friendship is one thing and business another.*

Можно выделить несколько вариантов этой модели.

А) Тавтологические конструкции в обеих предикативных единицах. Семантика – противительно-сопоставительная. *Но, оказывается, любовь любовью, а пенсия пенсией.* (Ф. Павлов-Андреевич. Бег). Сравним:

Work is work, but lunchtime is lunchtime.

Б) Тавтологическая конструкция только в первой предикативной единице. Семантика противительно-сопоставительная. *Война войной, а права человека в Америке святы* (Известия, 12.07.01).

War is war, but human rights are sacred in America. War may be war, but in America human rights are sacred.

Во втором варианте перевода происходит снижение категоричности посредством использования модального глагола в первой части высказывания, однако, перенос рематического фокуса на сказуемое во второй части повышает степень категоричности.

В) Тавтологическая конструкция только в первой предикативной единице. Противительная семантика предложений с данной тавтологической конструкцией не мотивирована лексическим наполнением имен. Представляется, что в позиции Им. п. и Тв. п. могут функционировать любые имена существительные.

Шутки шутками, но болезнь в значительной мере подорвала мое здоровье, единственным утешением было то, что я похудел на двадцать килограммов (Л. Утесов. «Спасибо, сердце!»).

Joking is alright, but the sickness really did impact my health. I lost twenty kilograms!

Повтор имени в русской конструкции компенсируется в английском формой Герундия, выражающей длительность действия.

Итак, как показал анализ языкового материала, когда речь идет об интенциональной тавтологии, особое коммуникативное намерение вполне очевидно для носителя «своей» культуры, но не всегда легко «прочитывается» носителем чужой языковой культуры. Данные тавтологические конструкции не допускают, как правило, буквального перевода на английский язык. В зависимости от того прагматического значения, которое проявляется в контексте, перевод на английский язык будет различным. Так, конструкция **Ну X и X** в зависимости от прагматики может переводиться:

- конструкцией с условным придаточным;
- риторическим вопросом;
- лексическим повтором;
- just + keep + ing-форма смыслового глагола;
- описательным сравнительным оборотом.

Тавтологическая конструкция Им. п. + Тв. п. при переводе заменяется:

- лексическим повтором;
- специальными лексемами + модальным глаголом с семантикой допущения;
- оценочными лексемами в составе именного сказуемого;
- Герундием.

Литература

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.

Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского на английский. М., 1998.

Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). Л., 1967.

Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 2006.

Стексова Т.И. Интерпретационный потенциал синтаксических фразем типа: Ну, приехал и приехал // VERBUM: язык, текст, словарь. Екатеринбург, 2006.

Стексова Т.И. Интерпретационный потенциал тавтологических сочетаний Им. п. + Тв. п. // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим. Новосибирск, 2007.

Черняховская Л.А. Перевод и лингвистика. М., 1973.

Dictionary of Contemporary English. New Edition. Pearson Education Ltd., 2009.